

«ТАК ВЫ ЖИВАЯ ИСТОРИЯ?»: СОВЕТСКИЙ ЧЕЛОВЕК НА ФОНЕ ТИХОЙ АРХИВНОЙ РЕВОЛЮЦИИ ПОЗДНЕГО СОЦИАЛИЗМА

Алиса Ростиславовна Клоц

Питтсбургский университет
3702 Уэсли У. Посвар Холл, Питтсбург, США
alissaklots@pitt.edu

Мария Владимировна Ромашова

Пермский государственный национальный исследовательский университет
15 ул. Букирева, Пермь, Россия
romasha09@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена изменениям практик архивирования в послесталинский период. На основе материалов профессиональных изданий для архивных работников, советской прессы и архивных материалов личного фонда пермской активистки и краеведа Валентины Соколовой авторы делают вывод, что на фоне демократизации и гуманизации советского общества в послесталинский период произошел сдвиг в понимании того, чьи документы достойны хранения в архивах. Если ранее только «выдающиеся» личности имели право на личный фонд в архиве, то теперь часть профессионального сообщества архивистов начала кампанию по сбору свидетельств «рядовых» граждан. Кампанию поддержали не только специалисты, но и прежде не связанные с исторической наукой пожилые советские интеллигенты — участники строительства социализма. Этот сдвиг, который авторы определяют как «тихую архивную революцию», стал важной частью позднесоветского «ретроспективного поворота». При помощи архивистов — проводников «тихой архивной революции» — пожилые активисты осознали свою историческую значимость и ценность своих документов, часть из которых пополнила государственные архивные фонды.

Ключевые слова: архивы, документы личного происхождения, домашние архивы, музеи, историческая память.

Для ссылок: Клоц А., Ромашова М. «Так вы живая история?»: советский человек на фоне тихой архивной революции позднего социализма // Антропологический форум. 2021. № 50. С. 169–199.

doi: 10.31250/1815-8870-2021-17-50-169-199

URL: https://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/050/klots_romashova.pdf

---

ANTROPOLOGICHESKIJ FORUM, 2021, NO. 50

“ARE YOU LIVING HISTORY?” — THE SOVIET PERSON AND THE QUIET ARCHIVAL REVOLUTION OF LATE SOCIALISM

Alissa Klots

University of Pittsburgh, Kenneth P. Dietrich School of Arts and Sciences, Department of History
3702 Wesley W. Posvar Hall, Pittsburgh, PA, USA
alissaklots@pitt.edu

Maria Romashova

Center for Comparative History and Political Studies, Perm State University
15 Bukireva Str., Perm, Russia
romasha09@gmail.com

Abstract: The article focuses on the changes that occurred in archiving practices after Stalin. Based on the analysis of publications in professional journals for archivists and in popular press — as well as the personal archival collection of Perm activist and local historian Valentina Sokolova — we argue that, as a result of the democratic and humanistic turn in Soviet society after Stalin's death, late socialism saw a shift in the understanding of who is worthy of having their documents preserved in an archive. Whereas previously only “remarkable” individuals had the right for a private archival collection, now some members of the archivist community began a campaign to collect documents of “ordinary” citizens. The archivists found allies not only among specialists but also among elderly members of the Soviet intelligentsia — participants in the building of socialism, who had no prior connection to historical studies. This shift that we call the “quiet archival revolution” became an integral part of the late Soviet commemorative turn. With the help of the archivists — enthusiasts of the “quiet archival revolution,” elderly activist came to realize their own historical significance and the value of their documents, some of which later made it to the state archival depositories.

Keywords: archives, personal documents, personal archives, museums, historical memory.

To cite: Klots A., Romashova M., “‘Tak vy zhivaya istoriya?’: sovetskiy chelovek na fone tikhoy arkhivnoy revolyutsii pozdnego sotsializma’ [“Are You Living History?” — The Soviet Person and the Quiet Archival Revolution of Late Socialism], *Antropologicheskij forum*, 2021, no. 50, pp. 169–199.

doi: 10.31250/1815-8870-2021-17-50-169-199

URL: https://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/050/klots_romashova.pdf

Алиса Клоц, Мария Ромашова

«Так вы живая история?»: советский человек на фоне тихой архивной революции позднего социализма

Статья посвящена изменениям практик архивирования в послесталинский период. На основе материалов профессиональных изданий для архивных работников, советской прессы и архивных материалов личного фонда пермской активистки и краеведа Валентины Соколовой авторы делают вывод, что на фоне демократизации и гуманизации советского общества в послесталинский период произошел сдвиг в понимании того, чьи документы достойны хранения в архивах. Если ранее только «выдающиеся» личности имели право на личный фонд в архиве, то теперь часть профессионального сообщества архивистов начала кампанию по сбору свидетельств «рядовых» граждан. Кампанию поддержали не только специалисты, но и прежде не связанные с исторической наукой пожилые советские интеллигенты — участники строительства социализма. Этот сдвиг, который авторы определяют как «тихую архивную революцию», стал важной частью позднесоветского «ретроспективного поворота». При помощи архивистов — проводников «тихой архивной революции» — пожилые активисты осознали свою историческую значимость и ценность своих документов, часть из которых пополнила государственные архивные фонды.

Ключевые слова: архивы, документы личного происхождения, домашние архивы, музеи, историческая память.

Введение

«И я, и вы считаем себя слишком обыкновенными, чтобы иметь в архиве свой фонд вечного хранения», — записала в 1975 г. в своем дневнике 68-летняя пенсионерка, активистка пермского женсовета Валентина Григорьевна Соколова [ГАПК. Ф. р-1610. Соколова В.Г. Оп. 1. Ед. хр. 196. Дневники. Т. 3. Л. 32]. Беспартийная общественница Валентина Григорьевна не имела образцовой биографии, больших должностей или высоких званий и до недавнего времени вряд ли могла претендовать на собственный фонд в местном архиве. Но теперь она готовила к сдаче не только собранные ею краеведческие документы, но и огромную коллекцию личных материалов: дневники, письма, воспоминания, автобиографические тексты, фотографии, лекции, пропагандистские брошюры, книги с автографами и многое другое.

Алиса Ростиславовна Клоц

Питтсбургский университет,
Питтсбург, США
alissaklots@pitt.edu

Мария Владимировна Ромашова

Пермский государственный
национальный исследовательский
университет,
Пермь, Россия
romasha09@gmail.com

Архивная революция 1991 г., открывшая для исследователей широкий доступ к отечественным архивам, по мнению некоторых историков, мало что изменила для тех, кто хотел написать «историю снизу». Большинство материалов о жизни рядовых граждан,

хранящихся в государственных архивах, являются милицейскими рапортами и донесениями и отражают подозрительность и даже враждебность властей по отношению к тому самому «социальному низу» [Грациози 2008]¹. Неслучайно в последние тридцать лет в рамках разных проектов шел независимый от государства сбор автобиографических текстов «простых людей», на который бы не влияли ограничения государственных хранилищ². И хотя, работая с делопроизводственными документами госучреждений, историки смогли написать значительное количество работ в рамках «истории снизу», когда речь заходит о личных фондах и документах личного происхождения, исследователи продолжают говорить, что они слабо представлены, в них мало персонального, а что-то интересное можно обнаружить лишь случайно в провинциальных архивах [Fitzpatrick 2015: 395].

Был ли личный фонд Валентины Соколовой в государственном архиве Пермского края (ГАПК) случайным? Как объяснить желание пенсионерки сдать свои личные и семейные материалы в архив и готовность местных архивистов их принять? Что дает появление личных фондов советских граждан, не отмеченных выдающимися достижениями, для понимания позднесоветской мемориальной культуры, коммеморативных практик и позднесоветского общества?

Для того чтобы ответить на эти вопросы, мы обращаемся к трем группам источников. Дискуссии архивистов и историков о собирании, хранении и изучении документов личного происхождения, опубликованные в специализированных изданиях 1950–1960-х гг., позволяют нам реконструировать процесс переосмысления места документов личного происхождения в советских архивах в контексте хрущевской оттепели. Работа с этими документами в послесталинский период наполняется новым смыслом, помещая в центр исторического повествования «простого человека». Публикации о роли личных архивов «История и каждый из нас» 1976–1977 гг. в «Литературной газете» свидетельствуют о том, что к концу 1970-х гг. дискуссия об архивах и «простом человеке» вышла за пределы профессиональной среды и стала частью дискурса о роли «обычных» советских граждан, прежде всего советской интеллигенции, в сохранении исторической памяти. Материалы личного архивного фонда Валентины Григорьевны Соколовой, которая в это время собирала и готовила к передаче в местный архив свои личные и семейные материалы, подробно описывая в дневнике

---

¹ Стоит отметить, что А. Грациози пишет в основном о документах 1920–1940-х гг.

² Деятельность центра документации «Народный архив», центра изучения эго-документов «Прожито» ЕУСПб и других проектов.

взаимодействие с местными архивистами, показывают, как дискурс об архивах влиял на коммеморативные практики советской провинциальной интеллигенции. Кейс Соколовой также свидетельствует о том, что архивирование было особенно привлекательным для советской интеллигенции старшего возраста — когорты, которую официальный дискурс маркировал как носителей революционной памяти [Klots, Romashova 2018: 596]. Увеличение продолжительности жизни и материального обеспечения пожилых советских граждан благодаря росту благосостояния, развитию медицинской помощи и конкретным шагам советского государства по расширению доступности пенсий по старости позволило таким людям, как Валентина Соколова — активным пенсионерам, эмоционально вовлеченным в советский проект, посвятить свое время сбору и обработке эго-документов.

Мы полагаем, что архивная революция началась задолго до распада СССР с роста интереса к личному и семейному прошлому и распространения практик собирания и хранения личных материалов «обыкновенных людей». Категория «простого / обычного / рядового» человека была центральной в дискуссиях о документах личного происхождения. Архивисты, историки и читатели советских журналов спорили о том, кто такой «рядовой» советский человек и чьи документы должны быть сохранены в архивах. Дискуссия об архивах показала, что на призыв специалистов откликнулись прежде всего представители советской интеллигенции старшего возраста.

Таким образом, кейс и личный архивный фонд Валентины Соколовой неслучайны и не единичны. Интерес граждан к архивам¹ как к форме сохранения личной и семейной памяти и архивистов и историков к личным архивам «простых людей» мы обозначаем как «тихую архивную революцию», ставшую частью «ретроспективного поворота» в 1970-е гг. «Революции» не суждено было завершиться и радикально изменить политику комплектования государственных архивов в отношении личных фондов, но ее последствия — документы «простых людей» — отложились в фондах музеев и библиотек, а в перестроечные и постсоветские годы — в общественных архивах и центрах документации, когда демонтаж советской системы спровоцировал новую волну интереса к автобиографическим практикам.

¹ Мы говорим об архивах как о практиках, в том числе автобиографических, отбора, описания, хранения и использования документов, которые создают и воссоздают прошлое. Архивисты играют в этом ключевую роль, постоянно участвуя в процессах оформления исторического материала. Но нам важно говорить об архивах и как учреждениях, поскольку под архивами мы подразумеваем не только государственные архивы, но и музеи, в том числе народные / общественные, библиотеки, институты и другие научные учреждения, занимавшиеся собирательской архивной работой.

«Тихая архивная революция» дополняет наши представления о коммеморативных практиках и политике памяти позднесоветского периода. Существующая литература фокусируется на двух взаимосвязанных тенденциях. Первая касается государственных кампаний по поддержанию легитимности советского строя, поощрявших публикации автобиографических текстов свидетелей революционных событий и беллетризованных биографий великих деятелей прошлого, а также краеведческие инициативы по восстановлению забытых революционных имен и сохранению памяти о Великой Отечественной войне как о победе советского строя (об автобиографиях см.: [Liljeström 2004: 131–148], о биографиях см.: [Jones 2019]; о краеведении см.: [Донован 2012: 379–402; Donovan 2015: 464–483]; о сохранении памяти о войне см.: [Kirhschenbaum 2006; Davis 2018] и др.). Вторая тенденция — бум низовых инициатив по изучению и сохранению локальной истории. Несмотря на то что власти инициировали и поддерживали краеведческие поиски по вовлечению широких масс в изучение большой истории на местах, они оказались не готовы к актуализации локальных идентичностей [Донован 2012; Donovan 2015; Мельникова 2018: 20–53]. Более того, объединения по изучению досоветского прошлого стали площадками развития русского национализма [Келли 2009]¹. Но в этом позднесоветском увлечении прошлым, получившем в литературе название «ретроспективный поворот» [Донован 2012; Кормина 2018; Мельникова 2019], просматривается еще одна тенденция — интерес к автобиографическим практикам и желание осмыслить советский опыт в пределах отдельной жизни, соотнести ее с «большой историей». Ирина Паперно, первой описавшая позднесоветский автобиографический бум, считала его ответной реакцией на завершение советской эпохи и катастрофический характер советской истории [Паперно 2021]. Однако в фокусе Паперно — работы времен перестройки и первого постсоветского десятилетия.

Описывая феномен, который мы определяем как «тихая архивная революция», мы хотим обратить внимание на роль архивов и практик архивирования в позднесоветском «ретроспективном повороте» (о дискуссиях среди профессиональных архивистов см.: [Альтман 1991; Кац 1992; Бутова 2018: 406–425] и др.), на контекст, в котором люди создавали и сохраняли свидетельства о себе, своей жизни и истории семьи задолго до перестройки

---

¹ Как пишет Катриона Келли, хотя «ретроспективизм» советской интеллигенции необязательно был проявлением национализма, «любовь к прошлому вполне могла быть выражением недовольства советским настоящим» [Келли 2009].

и «конца эпохи»¹. Как показал Денис Козлов, в позднесоветский период советские граждане чувствовали потребность в поисках корней, переосмыслении своих идентичностей. Этот «коллективный процесс познания истории» стал площадкой взаимодействия различных акторов: любителей и экспертов, партийцев и диссидентов [Kozlov 2001: 577–600]. В «тихую архивную революцию» были вовлечены профессионалы (архивисты, историки, музейные сотрудники) и любители-краеведы, неформальные сообщества и официальные организации, газеты и журналы, переосмысливавшие роль рядового человека в истории, отношение к его «голосу» и праву заявить о себе через автобиографические документы и сохранить их для историков и потомков.

«По отношению к историческим явлениям общественного порядка ценны мнения не только выдающихся деятелей, но и рядовых лиц...»

Исследователи советской культуры неоднократно отмечали существовавшее в ней напряжение между героической личностью, с одной стороны, и марксистским взглядом на творческую роль народных масс в истории — с другой [Jones 2018: 147–148]. Это напряжение определяло не только советскую научную и художественную литературу, но и отношение к автобиографическим практикам рядовых людей. В первое послереволюционное десятилетие в ходе мемориальных кампаний по сохранению истории партии, комсомола, фабрик и заводов личные свидетельства рядовых людей стали важным инструментом фиксации масштабных перемен [Журавлев 1997; Clark 2004: 251–278; Parazian 2008]. Однако эти свидетельства были призваны сохранять память о великих событиях, а не об отдельных их участниках. Впоследствии подобная практика возобновилась в годы Великой Отечественной войны, когда велась собирательская работа личных свидетельств о подвиге советского народа².

Значительную роль в собирании и хранении документов ученых и деятелей культуры, личных архивов играли рукописные отделы музеев и библиотек, пока положение о Государственном

¹ С одной стороны, тихая архивная революция 1970-х гг. имеет общие черты с поворотом к истории «снизу» и истории повседневности на Западе, с другой — ее ход, участники и итоги были производной специфического позднесоветского контекста. Советские историки и архивисты, безусловно, активно интересовались происходящими в зарубежной науке изменениями и ссылались на западный опыт работы с источниками личного происхождения. Однако реконструкция этого интеллектуального взаимодействия находится за рамками данного текста.

² Кроме широко известной деятельности специальной комиссии по сохранению личных свидетельств о Великой Отечественной войне во главе с членом-корреспондентом Академии наук И.И. Минцем, активную собирательскую работу в годы войны вели Государственный исторический музей и Музей революции СССР.

архивном фонде 1941 г. окончательно не закрепило право на хранение в составе Архивного фонда документов личного происхождения [Мягкова 2020: 17, 20].

По положению, личные фонды могли комплектоваться только из материалов избранных лиц: государственных и общественных деятелей СССР, деятелей науки, техники, литературы и искусства, выдающихся представителей социалистического труда и др. Тогда же было определено, что может входить в личные фонды: официальная и частная переписка, рисунки, рукописи научных и художественных произведений, мемуары, дневники и другие документальные материалы. Закреплению права на хранение документов личного происхождения предшествовали централизация архивного дела и сосредоточение в руках государства практически всех личных архивов известных деятелей культуры и науки дореволюционного периода, находившихся в разных ведомствах и частных собраниях, разработка и введение правил приема на хранение архивных материалов частных лиц и многочисленные дискуссии о том, каким учреждениям следует собирать и хранить документы личного происхождения [Мягкова 2020: 16–26]. В составе архивного фонда СССР также закреплялись документы рукописных отделов музеев, библиотек, институтов и других учреждений, продолжавших заниматься собирательской работой. Предполагалось, что в государственные архивы, оказавшиеся в ведении НКВД СССР с 1938 г., будут переданы материалы всех рукописных отделов. Так, в 1941 г. на основе архивного собрания Государственного литературного музея был создан Центральный государственный литературный архив СССР (ныне РГАЛИ). Однако война приостановила массовую передачу материалов рукописных отделов музеев и библиотек в госархивы.

Смерть Сталина и последовавшая за ней борьба с «культом личности» по-новому поставили вопрос о роли личности в истории. С одной стороны, смена курса означала всплеск интереса к революционным героям, по тем или иным причинам не попавшим в официальный сталинский нарратив [Jones 2018: 157–158]. С другой — отказ от «великой личности» как направляющей силы истории заставил историков снова обратиться к «массам» и личным свидетельствам [Петровская 1959: 30]. Оказалось, что в архивах было ничтожно мало таких документов. Как отметила в 1959 г. в одной из первых статей, посвященных ценности личных материалов и необходимости их собирать и хранить, сотрудница Центрального государственного архива Октябрьской революции А.А. Новикова, «ЦГАОР СССР за последние 20 лет принял на хранение всего лишь один личный фонд — И.В. Мичурина. Нельзя считать нормальным, когда в одном из крупнейших архивов, насчитывающем более 5500 фондов, только 37 личных» [Новикова 1959: 52–53].

Пока архивы, еще находившиеся под контролем МВД, были ограничены в своих действиях, музеи и библиотеки уже формировали свои фонды на фоне приближающегося сорокалетия Октября. Критика культа личности Сталина заставила пересмотреть традиционные подходы к экспонированию и формированию музейных фондов и вовлечь в эту работу общественность. В краеведческих музеях по всей стране с середины 1950-х гг. стали возникать секции ветеранов партии, революции и Гражданской войны, в чью работу входили встречи с молодежью, восстановление и увековечивание имен участников революции и войны, сбор воспоминаний, экспонатов и помощь в создании музеев на общественных началах (о подготовке музеев к 40-летию Октября см.: [Златоустова 1991: 251–254]; о работе с ветеранами в музеях см.: [Лихачева 1957: 196–198; Королев 1969: 257–258; Пунин 1973: 435–436] и др.). Подобные организации стали возможны во многом благодаря пенсионной реформе 1956 г., в рамках которой рабочие и служащие получили право выходить на пенсию по старости по достижении 55 лет для женщин и 60 лет для мужчин. При этом официальный дискурс поощрял активное вовлечение пенсионеров в строительство коммунизма, в том числе как носителей революционных традиций [Klots, Romashova 2018]. Коммеморативная деятельность объединений ветеранов вписывалась в юбилейные кампании, которые на местах должны были вдохновлять старшее поколение вспоминать революционные события, младшее — слушать и вести более активные краеведческие поиски при местных музеях и библиотеках [Беневаденская 2018], а сотрудников — налаживать отношения со своей публикой. Историки из Государственной библиотеки СССР им. Ленина еще в 1954 г. предложили приблизить архивы к читателям и исследователям, максимально облегчить доступ к фондам везде, где хранятся документы (архивы, библиотеки, музеи, научные учреждения) [Житомирская, Кудрявцев, Шлихтер 1954: 120–121; Житомирская 2008: 253–254].

Передача в 1960 г. архивной службы из системы МВД Совету Министров СССР и последовавший рост профессиональной автономии сотрудников и доступности архивов для исследователей позволили архивистам поднимать и обсуждать вопросы, связанные с фондами личного происхождения. На совещаниях, семинарах и научных конференциях специалисты обсуждали проблемы личных фондов, был создан Межведомственный научно-методический совет по работе с документами личного происхождения при Главархиве СССР, опубликован указатель «Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР», разработаны инструкции, методические пособия и рекомендации по комплектованию и обработке таких материалов и т.д. [Мамонов 1981: 6].

Историки-архивисты совместно с музейными и библиотечными сотрудниками призывали друг друга обращаться к гражданам через разнообразные общественные объединения, чтобы вести поиск личных документов и передавать их в архивы или побуждать людей писать и сдавать в архив воспоминания, дневники, письма, фотографии о том, как они строили и строят коммунизм [Князев 1962: 87–90; Габдульманов 1963: 69; Журавлева 1963: 48–49; Чепель 1966: 84]. Провозглашенная Хрущевым кампания по строительству коммунизма соответствовала большому историческому событию, в ходе которого и о котором необходимо было собирать свидетельства. Переосмысливая историю после смерти Сталина, историки обсуждали, чьи именно свидетельства и личные материалы в целом должен собирать и хранить государственный архив и как определять ценность таких материалов [Дмитриев 1965: 35–48; Письма и отклики 1966: 100–104]. В дискуссиях архивистов и историков под «простым» советским человеком подразумевался то выдающийся новатор, передовик в своем селе, районе, городе, то типичный представитель социальных групп советского общества — рабочих, колхозников, служащих и интеллигенции. Архивист А.А. Новикова писала: «Тысячи личных фондов простых людей — кадровых рабочих, выдающихся работников промышленности и сельского хозяйства, покорителей Арктики и Антарктики и др. — отражают историю нашего общества. Конечно, далеко не все материалы одинаково ценны, но лучше, если об этом будут судить специалисты» [Новикова 1959: 54]. Решающей в этой дискуссии, по мнению архивиста Марии Альтман [Альтман 1991: 12–13], оказалась вышедшая в 1965 г. статья архивистов Э. Колосовой и В. Цаплина [Колосова, Цаплин 1965: 14–23]. Ее основные положения были закреплены в «Методических рекомендациях по комплектованию ГАФ СССР документальными материалами личных архивов», вышедших в 1969 г. Рекомендации вводили критерии ценности личных фондов исходя из «значимости фондообразователя». Такой подход к комплектованию был основан на факте общественного признания и официальных заслуг того, кто владеет документами, а не на качестве и ценности самих документов [Еремченко, Иноземцева, Курносов 1986: 10], что на практике вело к поиску и сбору документов «героев» в ущерб массовым документам рядовых граждан.

Однако голоса тех специалистов, кто говорил о важности массовых личных источников, о передаче архивохранилищам автобиографических и других материалов независимо от заслуг автора и владельца и о роли самих граждан в сохранении памяти о своем прошлом и прошлом страны, стали слышны в 1970-е гг., когда дискуссия вышла на страницы массовой печати и к ней подключились «простые люди».

«Прочитав Вашу статью, я пережила чувство неловкости за свою безграмотность в вопросах хранения личных архивов...»

В начале 1970-х гг. литературовед, сотрудница отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. Ленина Мариэтта Чудакова провела серию лекций о личных архивах [Чудакова 1989: 381–395; 2005], а затем опубликовала две статьи в популярных изданиях: «Когда настоящее становится историей? Заметки архивиста» в журнале «Знание — сила» и «Есть ли у вас архив?» в газете «Неделя» [Чудакова 1972: 27–28; 1974]. В них филолог призывала читателей бережно относиться к своим личным архивам, объяснив значимость писем, воспоминаний и дневников для сохранения семейной памяти и истории страны. Реакция читателей подтвердила гипотезу автора, что обычные люди ничего не знают об архивах и архивных практиках, связанных с сохранением личных материалов, но испытывают большой интерес: «Статья поразила и очень обрадовала: то, о чем я смутно догадывалась, выражено ясно и именно так, как я и думала. Если кто-то случайно узнавал, что я храню письма, то либо откровенно смеялся, либо скептически улыбался <...> А ведь они действительно принадлежат истории. Значит, архивы берут на сохранение даже эти документы личной жизни?» [Читатель сообщает 1973: 48]. Другая читательница сожалела: «Прочитав Вашу статью, я пережила чувство неловкости за свою безграмотность в вопросах хранения личных архивов. Собственно, эта безграмотность у многих из нас объясняется тем, что вопросы хранения личных архивов никогда не имели соответствующего разъяснения в печати. Я, конечно, знаю о хранении личных архивов в государственных фондах. Но я была уверена, что на такое хранение имеют право люди с крупными именами — ученые, писатели, работники искусства и т.п. Думая так, я, например, уничтожила переписку и документы покойного мужа» [Чудакова 1975: 110].

Эти статьи и письма вошли в книгу М. Чудаковой «Беседы об архивах», опубликованную в 1975 г. Не отягощенная цитатами из работ классиков марксизма-ленинизма и отсылками к политическим кампаниям, обращенная к широкому кругу читателей, книга содержит ряд важных тезисов, представляющих отношение к памяти в позднесоветском обществе, и призыв включить в культурную привычку советского человека практики домашнего архивирования, особенно по мере приближения к старости и смерти [Чудакова 1975: 87–95].

Книгу М. Чудаковой стоит рассматривать в контексте обсуждения вопросов культурного наследия, которое шло среди экспертов в эти годы. Так, в 1976 г. выходит закон «Об охране

и использовании памятников истории и культуры». Документальные памятники из личных архивов граждан вошли в список подлежащих государственному учету объектов, имеющих значительную культурную ценность. В этот же год «Литературная газета» запускает цикл публикаций «История и каждый из нас», предоставив возможность высказаться по поводу значимости личных архивов «простых» граждан как ученым, так и рядовым читателям. Как написала потом в своих воспоминаниях инициатор дискуссии заведующая отделом рукописей Государственной библиотеки СССР им. Ленина Сарра Житомирская, «дискуссия эта, теперь совершенно забытая, превратилась тогда в некое культурное событие» [Житомирская 2008: 379].

В статье «Что мы оставим в наследство?» Житомирская высказалась о необходимости сбора максимального количества личных материалов государственными архивами, музеями и библиотеками, а также проведения кампании по воспитанию среди населения «чувства истории» [Житомирская 1976]. Она призывала: «Пока мы, архивисты, будем блуждать между “выдающимися” и “рядовыми”, неторопливо размышлять о критериях и в ожидании их идти узкими проторенными путями, время унесет многое, о чем будут жалеть наши потомки. Нужна широкая и разветвленная собирательская деятельность государственных архивов, библиотек, музеев, научных учреждений. Пусть следствием ее будет известная раздробленность фондов — при сегодняшней технике репродуцирования это не столь важно. Дело лишь в хорошо поставленной службе информации. Пусть слишком широкий “бредень” захватит и какие-то малозначительные бумаги — будет еще время с большей обоснованностью их отсеять. Главное — не отвергать с порога то, что нам не совсем ясно, не позволять нашим временным практическим трудностям или нескромной уверенности в своих оценках брать верх над долгом перед будущей историей» [Житомирская 1976].

Основными оппонентами Житомирской выступили Всеволод Цаплин, заместитель директора Центрального государственного архива народного хозяйства СССР, и Александр Шнейдер, старший научный сотрудник Центрального государственного военно-исторического архива СССР: «Нет никакой принципиальной необходимости привлекать на государственное хранение документы каждого рабочего, каждого крестьянина или интеллигента <...> Не вызывает сомнений тот факт, что мысли и чувства людей с наибольшей полнотой фиксируются в письмах, воспоминаниях, дневниках. Но бесспорно и то, что литература, изобразительное искусство, кино, театр, радио, телевидение, газеты, журналы и другие средства массовой информации исключительно интенсивно, глубоко и разносторонне раскрывают внутренний мир наших современников, в том числе и рядовых

людей» [Цаплин, Шнейдер 1977]. Если же возникнет необходимость сохранить личные материалы, то к ним нужно применить те же критерии отбора, что и к литературному наследию выдающихся деятелей культуры и искусства — исходить из их художественной ценности. Архивисты и те, кто их поддержал, подчеркивали ограниченность государственных ресурсов, технические сложности обработки и хранения такого рода источников, низкую «документотворческую» активность «простого человека» и необходимость сохранения лишь самых ценных документов, тем самым поддерживая иерархию исторических свидетельств: «Следует иметь в виду, что любое решение должно быть реалистическим, а тем более реалистически надо решать такой весьма нелегкий вопрос, как собирание бумаг “рядовых людей”». В нашей стране огромные суммы тратят на строительство зданий для архивов, на подготовку научных работников этого профиля, на приобретение ценных автографов, коллекций и архивных фондов выдающихся людей, на описание поступающих материалов <...> А в какие огромные суммы обходится вечное государственное хранение! Наконец, надо учесть, что подавляющее большинство наших архивохранилищ уже заполнено до отказа, и они без новых зданий вообще утратят возможность дальнейшего комплектования. Так неужели открывать “зеленую улицу” для вечного хранения таких материалов, которые и через столетия едва ли понадобятся какому-либо исследователю?» [Зильберштейн 1977].

На стороне Житомирской выступили многие ее друзья и коллеги: историк и писатель Н. Эйдельман, писатель Л. Успенский, историк литературы и архивист М. Чудакова, профессор Историко-архивного института, председатель Археографической комиссии АН СССР С. Шмидт и др. Дискуссия, судя по ее продолжительности и статусу участников, переросла давний спор столичных специалистов на узкопрофессиональную тему. В обсуждении личных архивов затрагивались более общие вопросы о месте архива в жизни общества, о том, в чьих интересах принимаются решения, что исчезнет, а что будет задокументировано, какую роль в этом процессе играют архивисты и ученые, профессионалы и любители, эксперты и «обычные» граждане.

Профессионалы, с одной стороны, хотели большего участия населения в сохранении исторической памяти, в том числе домашних архивов, создание которых делало советских граждан «устойчивее», сокращало «опасный для нашего сознания разрыв между прошлым и настоящим» [Гордин 1976]. С другой стороны, они не были готовы отказаться от своей ведущей роли в этом процессе. Они предостерегали, что у советских граждан отсутствует «чувство ответственности перед историей», проявляющееся в нежелании передавать личные бумаги государству.

Противоречие между ценностью свидетельств рядового человека для науки и потомков и правом владельца документов распоряжаться ими присутствовало практически во всех текстах цикла. Бесценные документы — от «столбцов» XVII века до фронтовых писем погибших советских солдат — гибли по неграмотности или излишней сентиментальности владельцев [Читатель предлагает 1976]. Обычные советские граждане, чей голос был так важен для сохранения памяти потомкам, по мнению участников дискуссии, пока не могли понять ценность этого «голоса» и поэтому нуждались в опеке и контроле экспертов, просвещении [Самов 1976].

Озабоченность архивистов, библиотекарей и музейных сотрудников «сознательностью» населения в вопросах сохранности личных документов хорошо демонстрирует сложность отношений между любителями и экспертами в сфере сохранения историко-культурного наследия. Растущая в 1960–1970-х гг. популярность таких исторических любительских групп, как движение «Красных следопытов», создание общественных музеев в школах, техникумах и вузах, на фабриках и заводах, наконец, частное коллекционирование вызывали опасения среди профессионалов. Сотни тысяч людей, участвовавших в этих краеведческих инициативах, на их взгляд, не располагали необходимыми специальными знаниями по собиранию, сохранению и использованию документов личного происхождения и фондов [Еремченко, Иноземцева, Курносов 1986: 4]. Если на Западе за свой «голос» в истории боролись ранее игнорируемые меньшинства, готовые встать в один ряд с профессиональными историками: рабочие, женщины, цветное население, то в Советском Союзе советские архивисты и историки не всегда были готовы разделить энтузиазм авторов краеведческих низовых инициатив.

Дискуссия в «Литературной газете» завершилась обзором читательских писем. Читатели не только делились своими размышлениями о значимости домашних архивов, но и предлагали конкретные решения: просили создать научно-популярный журнал по истории, где могли бы публиковаться подобные личные материалы, и специальный справочник с информацией о том, куда можно сдать свои личные документы, рассуждали о возможностях использования новых технологий для записи воспоминаний, радио и телевидения — для популяризации архивных знаний, предлагали организовать добровольное общество архиволюбов или хотя бы усилить поддержку массового краеведческого движения. Пожилые авторы опубликованных писем уже обладали личными или семейными архивами и искали возможность сохранить их для собственных или абстрактных потомков. Одинокая пенсионерка из Ташкента Е. Шумейко

попросила редакцию газеты помочь организовать «Отдел архива частных лиц»: «Мне 72 года. Мои сверстники тоже кончают свой жизненный путь. Путь этот был долгим и насыщен был многими событиями. Как люди мыслящие, многие из нас доверяли бумаге свои наблюдения за происходящим. Мы прожили жизнь. Для наших же внуков только сиюминутность представляет ценность. Если мы сами не сожжем наши записи, не уничтожат ли их они? А ведь жаль. Мы — уходящие свидетели прошлого — имели возможность видеть жизнь в ее движении, участвовать в ней и оценивать ее с позиций историзма, которого подчас так не хватает в суждениях молодых» [Читатель предлагает 1976]. В домашних архивах хранились документы, объединяющие дореволюционный и советский периоды семейной истории: «Живущий в Рязани гвардии подполковник запаса Георгий Павлович Галаган написал историю своей семьи более чем за 100 лет. Это восемь больших альбомов, где рассказ идет о прадеде, о деде Галагана — Никите, участнике русско-турецкой войны 1877–1878 гг., о родителях, родных, и доходит до наших дней, до внуков <...> В записях большое место занимает рассказ о событиях, которые переживала страна, край, область, где жила семья Галагана. Так семейная история перерастает в историю Родины» [Латынина 1977].

Опубликованные в «Литературной газете» письма читателей дают представление о том, для кого из «рядовых советских граждан» призыв сохранять домашние архивы был наиболее привлекательным. Подводя итоги, заведующая историко-литературным отделом газеты А. Латынина стремилась подчеркнуть, что дискуссия была интересна не только для «специалистов, историков да пожилых людей, накопивших за свой долгий век множество бумаг» [Латынина 1977]. Однако сама выборка говорила об обратном. Среди авторов писем преобладали представители двух групп: специалисты, по роду деятельности связанные с исторической памятью или текстами (учителя, музейные и библиотечные работники, преподаватели гуманитарных наук), и пенсионеры. В отличие от группы «специалистов», группа «пенсионеров» включала в себя и тех, кто профессионально не был связан с историей: бывшего экономиста, подполковника в отставке, ветерана партии. Общим для этой категории был не только уровень образования, позволявший им создавать и обрабатывать тексты для себя и потомков, но и наличие свободного времени и экономической независимости, благодаря которой они могли посвятить себя собирательской деятельности. Для этой категории читателей дискуссия в газете легитимизировала собственный интерес к личной и семейной истории. Для тех же, кто раньше не задумывался об этом, статьи в «Литературной газете» и других популярных изданиях могли

послужить толчком для создания своего документального наследия [Козлова 2005: 148]¹. Несмотря на то что участники дискуссии в «Литературной газете» призывали к сохранению документальных свидетельств представителей «всех слоев трудящихся», из откликов на публикации очевидно, что именно советская интеллигенция была готова воспользоваться возможностью сохранить память о себе, своей семье, своем поколении.

В профессиональной архивистской среде дискуссию в «Литературной газете» считали важной для признания значимости сбора документов личного происхождения обычных людей ([Мамонов 1981: 3–12; Еремченко, Иноземцева, Курносов 1986: 3–12; Альтман 1991] и др.). Но она также скорее подтвердила тот факт, что «рядовые» архивисты, опережая методистов, уже собирали материалы «рядового» человека, который был не только очевидцем, но и действующим лицом, полноправным участником производства исторического знания о «советском». Пермские архивы (ГАПО и партархив) и краеведческий музей, упомянутые в дискуссии в «Литературной газете» как наиболее успешные, предлагали помощь в обработке личных бумаг и обеспечении условий для государственного хранения. Более того, историк Сигурд Шмидт, руководитель Археографической комиссии РАН, внесший огромный вклад в разработку методической базы, пропаганду и обмен опытом в области поисково-собирательской деятельности государственных хранилищ и общественных организаций, в дискуссии в «Литературной газете» отдельно упомянул «Методические рекомендации по обработке личных фондов (в помощь краеведам)». Они были напечатаны в Перми в 1975 г. по заказу местного отделения ВООПИиК [Методические рекомендации 1975]². Их составил научный сотрудник госархива Пермской области Леон Кашихин, выпускник Московского историко-архивного института и участник студенческого научного кружка, которым руководил Шмидт [Шмидт 1998: 125–126]. В своих методичках Кашихин говорил с рядовым человеком, «не проявившим себя особенно выдающимся в какой-либо сфере деятельности, но наблюдательным, склонным к систематической переписке, записям

---

¹ О том, как подобные научно-популярные статьи и книги действовали на массового читателя, упоминает в своем исследовании «Советские люди. Сцены из истории» Наталья Козлова [Козлова 2005]. Один из ее героев начал писать мемуары, переданные затем в «Народный архив», после прочтения в газете «Северная правда» от 6 августа 1978 г. статьи «Семейные реликвии». Ее автор призывал беречь историю семей от забвения и напоминал о необходимости осознания ценности человеческой индивидуальности.

² ВООПИиК появился в 1965 г. По мнению К. Келли, движение за охрану памятников оказалось одним из немногих видов легитимной гражданской деятельности вне рамок КПСС после окончания хрущевской оттепели, но отношение властей к ВООПИиКу было инструментальным, его использовали как источник средств или катализатор общественной активности.

впечатлений, собиранию различных памятных примет своего времени (писем, фотографий, листовок, газетных вырезок, афиш и т.п.)» [Шмидт 1977]. Следы деятельности такого человека могли тогда казаться незначительными, но в будущем заинтересовать потомков.

В фонде научно-методических материалов ГАПК хранятся несколько вариантов «Методических рекомендаций» Л. Кашихина. По ним можно проследить редакторские правки и сокращения текста ключевой вводной части «Значение личных архивов», которую местные архивисты использовали для убеждения владельцев домашних архивов передать документы госучреждениям¹. В первых вариантах рукописи автор обращается к дворянскому дореволюционному опыту как образцовому и главному его достоинству — сохранению семейной памяти и преемственности: «Для любой советской семьи созданные ее членами документы и передаваемые из поколения в поколение представляют большую культурную ценность, семейную реликвию. До революции русское дворянство кичилось своим происхождением, своими именитыми предками и тщательно оберегало семейные и родовые архивы. Почему же нам, советским людям, не уважать своих дедов и прадедов и их документальное наследие? Наши правнуки будут образованнее и культурнее нас. Они не простят нам гибели личных архивов» [ГАПК. Ф. р-3. Оп. 7. Д. 223. Л. 2]. Но этот отрывок не вошел в итоговую версию издания. Вместо него читателю напоминали об актуальном советском опыте обращения к личным свидетельствам и их значимости для восстановления исторической справедливости. Таким эталонным примером была поисковая работа писателя Сергея Смирнова, занимавшегося в 1950-е гг. розыском защитников Брестской крепости и реконструкцией истории ее защиты. Но пермские архивисты вели собственные поиски, и одна из неожиданных находок была связана с Валентиной Григорьевной Соколовой.

«Возможно Вас заинтересуют сведения о том, кто я и как жизнь прожила...»

В середине 1960-х гг., накануне 50-летнего юбилея Октября, из архива Главполитпросвета в государственный архив Пермской области переслали переписку пермских комсомольцев 1920-х гг. На основе этого материала сотрудники должны были написать серию статей о сельском комсомоле и ликвидации неграмотности в деревне. Центральным персонажем этой местной рево-

¹ Госархив Пермской области стал уделять внимание комплектованию документов личного происхождения еще в 1961 г., но возможности для сбора и хранения появились только после переезда архива в новое здание в 1966 г.

люционной истории стал умерший в 1927 г. от воспаления легких избач, комсомолец Вася Ракитин [ГАПК. Ф. р-1610. Оп. 1. Ед. хр. 503; Ф. р-1610. Оп. 1. Ед. хр. 504]. Среди его документов сохранилась переписка с некой Валею Соколовой, работавшей избачом после его ухода в армию. Переписка была ярким свидетельством идеологической вовлеченности молодежи в происходящее. Судьба девушки оставалась загадкой до тех пор, пока в старой знакомой общественнице, которую научные сотрудники архива уже несколько лет знали как краеведа-любителя, не признали ту самую комсомолку.

В 1971 г. Валентина Григорьевна написала дочери: «Недавно узнала, что мое имя уже 4-й год “фигурирует” в газетных и журнальных статьях, звучит в теле-передачах по истории комсомола Прикамья и скоро появится в таком солидном труде как сборник Пермского госуниверситета. Рада бы задрать нос, но к сожалению нет основания. Ни организатором, ни руководителем комсомола я не была. Рядовая комсомолка Ленинского призыва. Год вступления в РКСМ — 1924. Мое “имя рек” упоминается рядом с именем комсомольца-чекиста Васи Ракитина <...> Так я попала в “историю”. Это открытие меня так взволновало, что я не смогла больше работать в ГАПО [Государственных архив Пермской области]. Не прочла ни статей [сотрудницы архива] Царт, ни своих писем 45-летней давности <...> Пешком шла я до сада Свердлова и долго опомнится не могла» [ГАПК. Ф. р-1610. Оп. 1. Ед. хр. 929. Л. 8]¹. Соколова подчеркивает свой статус «рядовой» участницы исторических событий, противопоставляя себя «руководителям» и «организаторам», чье место в истории не вызывает вопросов. Однако, несмотря на свой рядовой статус, Соколова вскоре предлагает архивистам собственные материалы: «Посылаю Вам выписку о Васе Ракитине из своего дневника. Страницы о приезде в Пермь Маяковского, Луначарского списать не успела. Болею я, руки трясутся после приступа <...> успеть бы послать то, что приготовила. Вы меня нашли как адресата Васи. Возможно, Вас заинтересуют сведения о том, кто я и как жизнь прожила» [ГАПК. Ф. р-1610. Оп. 1. Ед. хр. 196. Т. 3. Л. 107]. В этом тексте Соколова впервые обозначает свою ценность не только как свидетельницы жизни «великих» — Маяковского, Луначарского, Ракитина, но и как самостоятельного исторического актора.

Этот переход — ключевой в феномене «тихой архивной революции». Кейс Валентины Соколовой позволяет понять, как «рядовая» советская пенсионерка осознает себя субъектом истории, чьи тексты и документы имеют право на хранение

---

¹ Здесь и далее в цитатах В.Г. Соколовой сохранены авторская орфография и пунктуация.

в государственном архиве. Соколова оказывается идеальным объектом кампании по сбору свидетельств «рядовых» граждан: профессиональная пропагандистка, активистка общественных организаций и краевед, она легко откликается на призыв сохранить память о первых десятилетиях советской власти для потомков. Опыт работы с текстами делает сбор и обработку документов для архива посильной нагрузкой, а наличие свободного времени на пенсии позволяет посвятить себя архивной работе. Кейс Соколовой также высвечивает роль местного сообщества профессиональных архивистов — основных проводников «тихой архивной революции» на местах. Они не только вдохновляют Соколову, помогают ей советом и методической литературой. Именно сотрудники государственного архива делают возможным существование Соколовой — «рядовой представительницы советской интеллигенции» как части истории — они создают ее личный фонд в государственном архиве.

Валентина Григорьевна Соколова родилась в 1907 г. в Оренбурге. После развода родителей она вместе с матерью и братом переехала в Пермь, где в конце 1920-х гг. закончила педагогический факультет Пермского государственного университета. Соколова принимала участие в ликвидации неграмотности, коллективизации, атеистической пропаганде. Более пятнадцати лет проработав штатным лектором в Свердловске, с 1957 г. Валентина Григорьевна работала библиотекарем, а спустя пару лет вернулась по семейным обстоятельствам в Пермь. После выхода на пенсию в 1962 г. Соколова стала активным членом женсовета, одной из многочисленных общественных организаций в годы оттепели, включивших в орбиту своего внимания постаревших советских активисток. Несмотря на свою общественную активность и пропагандистскую карьеру, Соколова была беспартийной. Ее четыре попытки вступить в партию (последняя — когда Соколова уже была на пенсии) оказались безуспешными. Причины отказов не были ясны [ГАПК. Ф. р-1610. Оп. 1. Ед.хр. 509. Л. 202]¹, но не пошатнули ее веру в коммунистическую идеологию. Каждый раз, получая отказ во вступлении в партию, Соколова переизобретала себя как беспартийного большевика². «А что теперь? — спрашивала себя

¹ Одна из предполагаемых причин отказа: ее сестра по отцу была репрессирована. Когда Соколова, будучи уже на пенсии, подала заявление о приеме в партию, ее не приняли как «бесперспективную».

² Дневники Соколовой удивительно перекликаются с тем материалом, который исследователь Й. Хелльбек рассматривал на примере группы дневников 1920–1930-х гг. в книге «Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи» [Хелльбек 2017]. Автор отмечает преобразовательный характер коммунистической идеологии, нацеленный на самосознание индивида, в годы сталинизма. Фонд Валентины Соколовой свидетельствует о продолжении этого процесса и после смерти Сталина.

Соколова после очередной неудачной попытки в 1941 г. — Буду продолжать работу как и ранее и общественную и вообще. Обыватель из меня полностью не получится. Не выйдет! Не достойна звания члена или кандидата ВКП(б), буду просто беспартийным активистом» [ГАПК. Ф. р-1610. Оп. 1. Ед. хр. 812. Т. 1. Л. 27]. Работа, общественная деятельность оставляли совсем немного времени на рожденную во время короткого брака дочь Галину (1933 г.р.) — ее воспитанием занимались сначала няньки, а затем бабушка — мать Валентины [Гольдбухт-Серебрякова 2020: 5–7]. Галина успешно закончила школу, политехнический институт и по распределению уехала в Куйбышев (Самару), где долгое время жил и работал ее дед-революционер.

В 1950-е гг. на фоне юбилейных кампаний Соколова увлеклась краеведческими поисками по истории партии, поисками родственников Ленина на Урале и воспоминаний о них. Ее интерес к революционному прошлому поддерживал проживавший в Москве отец, старый большевик, встречавшийся с Лениным в 1910 г. в Париже. На пенсии он начал писать мемуары, выступал перед молодежью, готовил статьи об истории партии в детские журналы «Мурзилка» и «Пионер» [ГАПК. Ф. р-1610. Оп. 1. Ед. хр. 237, 238, 239, 830, 831]. В какой-то момент Соколова предложила отцу помощь в создании воспоминаний. В регулярной переписке они обсуждали их, обменивались мнениями о книгах по истории партии, пересылая друг другу ценные материалы: «Здравствуй, папа! Читаю очерки истории Куйбышевской организации КПСС и впервые знакомлюсь с твоей биографией. <...> Ты пишешь, что в ней в 5 местах о тебе есть описания. Я нашла только в 4-х на 38, 43, 136 стр. и автобиография» [ГАПК. Ф. р-1610. Оп. 1. Ед. хр. 237. Л. 8]. Сестра Валентины Соколовой по отцу не могла понять, почему Соколова сохраняла такой интерес к человеку, который бросал своих жен с детьми и не помогал им в трудную минуту. Но для Валентины Григорьевны отец был прежде всего революционером-подпольщиком, представителем когорты старых большевиков, чья весомость делала ее ближе к основателям социалистического государства¹.

Размышления о том, что остается после ухода близкого человека и как сохранить память о нем, появляются у Валентины Соколовой после смерти родных и получения «наследства» в виде старого родового гнезда — частного дома, наполненного старинными вещами и документами. В 1959 г. у Валентины Григорьевны умирает родная тетя, в 1964 г. — дядя, в 1966 г. с разницей

---

¹ В г. Куйбышеве после смерти отца в его честь была названа улица, а позднее — открыта мемориальная доска. Также посмертно были изданы его воспоминания: [Соколов 1968].

в несколько месяцев в Перми умирает мать, а в Москве — отец. Понимая, что она не сможет уничтожить то, что еще совсем недавно принадлежало ее родным, Соколова, работая над семейным архивом, начинает предлагать бумаги и вещи в архивы, музеи, библиотеки, учебные заведения, осознавая их историческую ценность. В глазах Соколовой ценностью обладают старинные вещи и документы досоветского времени — свидетельства ушедшей эпохи.

Параллельно с разбором этих материалов Соколова берется за еще один не менее важный архивный проект — создание архивного фонда городского женсовета. Во второй половине 1960-х гг. возникшие при Хрущеве женские советы стали терять свои позиции. Среди пермских активисток начали ходить слухи о скором расформировании женсоветов [ГАПК. Ф. р-1610. Оп. 1. Ед. хр. 196. Дневники. Т. 3. Л. 12–15]. Ощущение конца эпохи общественной организации, материалы работы которой не собирались ни одним архивом, усилилось с тяжелой болезнью бессменного председателя городского женсовета пенсионерки Татьяны Ивановой. Активистки принимают решение сохранить память о женсовете, и Валентина Соколова, как секретарь, берет на себя подготовку документов. Вместе с коллегами по женсовету в 1969 г. Соколова составляет несколько альбомов с материалами о прошлом и настоящем активисток, а также вместе с коллегами собирает архивный фонд районных женсоветов Перми. Затем она более полутора лет работает с сестрой умершей Ивановой над созданием личного фонда активистки в областном архиве. Председатель городского женсовета Татьяна Иванова, безусловно, попадала в категорию «организаторов» и «руководителей», достойных личного фонда в архиве. Однако сбор материалов о членах женсовета как части фонда организации ставил вопрос о ценности «рядовых» биографий для истории — биографий таких женщин, как Соколова.

В этом контексте история с письмами Васе Ракитину заставляет Соколову по-другому посмотреть на собственную биографию и личные материалы. Первоначально ее коллекция личных и семейных документов была интересна архивистам как коллекция наблюдательного очевидца. Как записала Соколова в своем дневнике, сотрудники архива «давали понять, что ГАПО ценит людей. Да и [научный сотрудник архива] Кашихин называл меня: “Наша жемчужина” — за детальное освещение прошлого» [ГАПК. Ф. р-1610. Оп. 1. Ед. хр. 824. Т. 10. Л. 72]. Это внимание стимулирует Соколову систематизировать, составлять планы по обработке собственных документов и передаче их в архив. Однако по мере поиска информации о родственниках, работы над архивом отца, переписки с архивистами и знаком-

ства с литературой об архивах Соколова конструирует собственную автобиографию и биографию поколения советских активистов, убеждая своих ровесниц — коллег по женсовету — сдавать материалы в архив. В своих дневниках Соколова упоминает методические рекомендации по работе с личными архивами Л. Кашихина, в ее фонде хранится вырезка из местной газеты с рецензией на книгу М. Чудаковой «Беседы об архивах». Работая с профессиональными архивистами — проводниками «тихой архивной революции», Соколова проникается верой в то, что ее «рядовая» жизнь важна для истории.

Свою личную историческую значимость и оценку активистского опыта Соколова формулирует в переписке с дочерью. Интерес Галины к семейной истории открывает в их отношениях новый этап: совместное, нередко болезненное погружение в личные истории близких людей, в попытках понять поколения друг друга на фоне полемики о «советском» и «анти-советском» в брежневский период. «Твое замечание о классовости моих воспоминаний нуждается в разъяснении, это не официальность, а сама жизнь», — отвечала Соколова дочери. «Ведь наша юность совпала с величайшей революцией; эксплуатируемые свергли эксплуататоров. Такого не бывало еще в классовом обществе. И “классовый” подход пронизывал все и вся. Порой необходимо было дать мгновенную оценку человеку, его поступкам, событиям, именно с точки зрения того класса, который брал власть <...> и в зависимости от этой оценки принять решение, действовать. Даже комсомольцы пели: “И тот кто сегодня поет не с нами, — тот против нас”. Это и есть та изюминка, которую ты ищешь в юности родителей. Понаблюдай за другими ветеранами партии и комсомола. Привычка давать всему политическую, классовую оценку у них “въелась в кровь”, с юных лет и до старости» [ГАПК. Ф. р-1610. Оп. 1. Ед. хр. 929. Т. 1. Л. 54].

С одной стороны, эта личная история предназначена для дочери Галины. Она просит мать описывать ей в письмах свое детство и юность. Интерес Галины к прошлому вдохновляет Валентину Григорьевну. С другой — все экземпляры воспоминаний и подлинники документов она передает в архив, краеведам, а вещи раздает в музеи, полагая, что после ее смерти оставшиеся документы могут быть выброшены: «Почти закончила большую часть семейной хроники Серебряковых, идут зачистки и зализки. Один экз. послала Курочкину вместе с копией фото. Он наименее прилизан. Один экз. отдам Гале. Один для себя. Подлинник в ГАПО, а один текст не тронутый оставлю на всякий случай <...> Что еще осталось сделать для Гали? Дописать свою автобиографию; “что было до нее” описать. Скопировать письма отца и сдать подлинники в ГАПО, копии

в музей з-да им. Масленникова» [ГАПК. Ф. р-1610. Оп. 1. Ед. хр. 821. Т. 7. Л. 22].

Важной задачей формирования своего личного фонда и фонда своих коллег Соколова считала восстановление справедливости: Валентина Григорьевна подробно описывает, как она становилась жертвой доносов и несправедливой критики. При этом она так же подробно документирует «сигналы», которые подавала сама. Ее личный архивный фонд должен был стать признанием ее жизненного пути, не обремененного официальными наградами, членством в партии, званием и статусами. Архивный фонд должен был стать наградой ей за все прошлые неудачи и одновременно последним даром государству от активистки, посвятившей всю свою жизнь строительству социализма. Архивирование также было способом преодоления страха забвения после смерти и борьбой с версиями прошлого, казавшимися недостаточно советскими, такими, например, как тексты бывшего преподавателя пермского духовного училища краеведа Владимира Верхованцева. Поэтому вместе с обработкой собственных бумаг она агитирует своих подруг по горженсовету, коллег по общественной работе передать документы в архив: «Кто же уже удостоился чести иметь свой личный фонд в ГАПО? Конечно летописцы Перми! Вот к примеру ВС Верхованцев, человек имеющий духовное образование, окончивший госуниверситет в 20-е годы, много ездивший, видевший, читавший <...> что же он записал в 1917 году? — Посетил Успенский женский собор. Архиепископ такой-то ушел на покой. Игуменья Нина <...> и т.п. И это в 1917 году? А что бы я записала? Мне 10 лет было? О том как бегали мы по митингам и демонстрациям, жадно впитывали события эпохи, политические споры, исторические перемены... но этой записи нет в ГАПО. И я, и вы считаем себя слишком обыкновенными, чтобы иметь в архиве свой фонд вечного хранения. Так, что же пусть там останется лишь церковная история???» [ГАПК. Ф. р-1610. Оп. 1. Ед. хр. 196. Т. 3. Л. 32].

Со временем архивирование заполняет всю жизнь Соколовой [ГАПК. Ф. р-1610. Оп. 1. Ед. хр. 258. Л. 63; Ед. хр. 822. Т. 8. Л. 60]¹. В ее планах на год к началу 1980-х гг. остается только обработка документов и передача их в архив [ГАПК. Ф. р-1610. Оп. 1. Ед. хр. 816. Т. 3. Л. 29–33]. Процесс работы над архивом она описывает в дневнике, который ведет с юношеских лет. Если ее дневники 1920-х гг. — это поздние компиляции ранних заметок,

¹ Валентина Григорьевна активно участвовала в архивных поисках друзей. Так, она помогала Михаилу Альперовичу, ветерану партии и активному члену Совета ветеранов революции и Гражданской войны при Пермском краеведческом музее, прошедшему колымские лагеря, собирать картотеку «лиц, оклеветанных при Сталине».

связанных с учебой, работой, путешествиями и ощущением исключительности исторической эпохи, а по мере взросления и старения — наблюдения за окружающим миром, то в последние годы жизни это непрерывная коммеморация поколенческого опыта и отбор тех исторических свидетельств, которые в ее представлении лучше всего смогут сохранить память о них. «Потомки наши будут изучать, как мы жили-работали, чем огорчались-радовались и читать-перечитывать ее дневники», — писала Соколова о дневниках коллеги по женсовету, которые она предложила сдать в Пермский партархив [ГАПК. Ф. р-1610. Оп. 1. Ед. хр. 822. Т. 8. Л. 6].

Работа над собственным фондом и передача его в государственный архив Пермской области шла практически два десятилетия. За время подготовки личного фонда и сбора новых материалов сменилось руководство архива, а в начале 1980-х гг. вынужден был уйти инициатор создания отдела личных фондов Леон Кашихин, благодаря которому документы Соколовой попали в архив [ГАПК. Ф. р-1610. Оп. 1. Ед. хр. 819. Л. 2; Ед. хр. 824. Т. 10. Л. 63, 71, 72, 75]. Никто больше не называл Соколову «нашей жемчужиной», а ее фонд был представлен как «неуникальный, без особо ценных материалов» [ГАПК. Ф. р-1610. Оп. 1. Ед. хр. 824. Т. 10. Л. 72]. Но Валентина Григорьевна объяснила себе, за что она была удостоена чести иметь документы в архиве: «как рядовой представитель советской интеллигенции. И за это спасибо» [ГАПК. Ф. р-1610. Оп. 1. Ед. хр. 824. Т. 10. Л. 75]. Систематизация собственного архива способствовала самоопределению Соколовой, которая из беспартийного большевика превратилась в рядового советского интеллигента, имеющего право на личный архивный фонд и право самостоятельно отбирать то, с чем будут работать будущие историки.

За несколько лет до своей смерти Соколова, на тот момент уже полностью потерявшая зрение подопечная дома пенсионеров, неожиданно срочно вызвала из Самары свою дочь Галину. Думая, что маме стало хуже, Галина примчалась в Пермь. Оказалось, что в самочувствии Валентины Григорьевны не было серьезных изменений, но ей требовалась помощь дочери: был готов очередной, последний набор документов Соколовой. Их нужно было сдать в архив [Интервью с Галиной Ефимовной Гольдбухт]. К моменту смерти Валентины Григорьевны Соколовой в 1990 г. в государственный областной архив было передано более тысячи дел о ней, ее семье и ближайшем окружении.

Заключение

Практика хранения документов личного происхождения в личных и семейных архивах сложилась задолго до позднесоветской

«тихой архивной революции». Часть из них была уничтожена в годы войн и революций, часть — в период массовых репрессий 1930-х гг. Документы «выдающихся» людей со временем становились основой личных фондов в государственных архивах, а свидетельства «рядовых» участников исторических событий откладывались в разрозненных фондах учреждений. Отбирая документы для хранения, государственные архивы исходили прежде всего из принципа значимости фондообразователя. Однако после смерти Сталина на фоне общей демократизации и гуманизации общественной жизни часть архивистов предлагает отказаться от утилитарного подхода в пользу общегуманистического. Признавая равноценность каждой личности, они призывают сохранять документы «рядовых» граждан вне зависимости от их заслуг перед обществом. Архивисты — проводники «тихой архивной революции» находят союзников не только в околонучных кругах, но и среди «рядовой» советской интеллигенции старшего возраста, участвовавшей в создании Советского государства. Благодаря пенсионной реформе 1956 г. пожилые горожане получили возможность посвятить свое свободное время сбору исторических документов. Но самое важное: эти «рядовые» советские интеллигенты почувствовали собственную историческую значимость и начали целенаправленно создавать личные архивы. При помощи архивистов — проводников «тихой архивной революции» пожилые активисты получили возможность создать личные фонды в местных архивах и таким образом сохранить память о себе и своем поколении для потомков. Например, в Перми в архивах и краеведческом музее сформировался большой пласт документов личного происхождения, принадлежащих местным общественникам: членам женсовета, народной дружины, совета ветеранов революции и Гражданской войны при Пермском областном краеведческом музее. Пожилые активисты с гордостью собирали, систематизировали и передавали в государственные хранилища все, что могло бы сохранить память о рядовых строителях социализма.

Прием личных документов выдающихся людей в государственные архивы не стал массовым, несмотря на принятие нового положения о Государственном архивном фонде СССР в 1980 г. и снятие ограничительного критерия заслуг фондообразователя, появление обобщающих архивоведческих работ и учебных пособий по вопросам собирания документов личного происхождения государственными архивами, методических пособий и рекомендаций. Доля личных фондов сегодня составляет 1,3 % от общего числа документов в Архивном фонде РФ [Информационно-методическое письмо 2020]. Те, кто еще совсем недавно выступал за сбор массового документального наследия, вынуждены были либо уйти на пенсию, либо уволиться

[Житомирская 2008: 413, 468]¹, а положение самих архивов зависело от колебаний внутри- и внешнеполитического курса. На фоне очередных витков холодной войны вопрос (не)доступности архивных материалов объяснялся в терминах национальной безопасности страны. Несмотря на то что политика комплектования государственных архивов не изменилась, вместо архивов документы принимали рукописные отделы краеведческих музеев, библиотек, общественные / народные музеи, музеи в образовательных и научных учреждениях, собирали краеведы или хранили дома в семьях. При этом значительная часть этих документов до сих пор остается не разобранной и не поставленной на учет [Колбас 2015: 85–88]. Пока сложно оценить, насколько уникальным был пермский кейс, в каком объеме и составе схожие архивационные процессы материализовались в конкретных музейных, библиотечных фондах и домашних архивах по всей стране. Однако, несмотря на то что «тихая архивная революция» не завершилась фундаментальной сменой парадигм в государственных архивах, она подтолкнула отдельных представителей поколения строителей социализма осознать свою историческую значимость и ценность своих документов, часть из которых впоследствии нашла место в архивных фондах.

Благодарности

Мария Ромашова выражает признательность Европейскому университету в Санкт-Петербурге и коллегам из центра сравнительных исторических и политических исследований ПГНИУ за поддержку.

Список сокращений

ВООПИиК — Всесоюзное общество охраны памятников истории и культуры

ГАПК — Государственный архив Пермского края

ГАПО — Государственный архив Пермской области

ПермГАСПИ — Пермский государственный архив социально-политической истории

Архивные материалы

ГАПК. Ф. р-1610. Оп. 1. Ед. хр. 196. Дневники. Т. 3. Л.1 2–15, 32, 107.

Ед. хр. 202. Автобиография в письмах и воспоминаниях.

Ед. хр. 237, 238, 239. Письма В.Г. Соколовой Соколову Г.С., отцу.

---

¹ Так, Сарра Житомирская была вынуждена уйти на пенсию из Отдела рукописей ГИБЛ, а в 1985 г. она была исключена из партии «за грубые нарушения в использовании документальных материалов, приведшие к утечке информации за рубеж» [Житомирская 2008: 468].

- Ед. хр. 258. Письма Альперовича М.С.
- Ед. хр. 503. Э. Матвеева. «Избач Василий Ракитин». Звезда. 18 декабря. 1968 г.
- Ед. хр. 504. М.Н. Царт. «Он жил по законам Ленина». Статья, опубликованная в газете «Знамя Ильича» Ильинского РК КПСС. С дарственной надписью М.Н. Царт В.Г. Соколовой от 25 мая 1971 г.
- Ед. хр. 509. Письма В.Г. Соколовой Спешиловым Якову Григорьевичу и Павле Александровне. 1972.
- Ед. хр. 812. День за днем. Дневники. Автограф. Т. 1. Л. 27.
- Ед. хр. 816. День за днем. Дневники. Автограф. Т. 3. Л. 29–33.
- Ед. хр. 819. День за днем. Дневники. Автограф. Л. 2.
- Ед. хр. 821. День за днем. Дневники. Автограф. Т. 7.
- Ед. хр. 822. День за днем. Дневники. Автограф. Т. 8. Л. 6.
- Ед. хр. 824. День за днем. Дневники. Автограф. Т.10. Л. 63, 71, 72, 75.
- Ед. хр. 929. Письма Соколовой В.Г. (Гольдбухт) Галине Ефимовне по личным семейным вопросам с воспоминаниями о работе в Ильинской избе-читальне. Т. 1. Л. 8, 54.
- Ед. хр. 830. Статья Соколова Г.С. Шагайте в ногу со счастьем в ж. «Мурзилка» № 1, 1962 г. с дарственной надписью Соколовой В.Г.
- Ед. хр. 831. Г.С. Соколов. 60 лет назад. Статья о первом параграфе Устава партии, принятом на II съезде, в журнале «Пионер» № 7, 1963 г.
- ГАПК. Ф. р-3. Оп. 7. Д. 223. Л.С. Кашихин. Методические рекомендации по обработке личных архивов (в помощь краеведам) — 1-й вариант. Рукопись. Пермь, 1975. Л. 2.

Источники

- Альтман М.М.* Организация собирания и использования документов личного происхождения о Великой Отечественной войне: из опыта работы ЦГА СССР и гос. архивов РФ: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1991. 204 с.
- Габдульманов Г.И.* Участие общественности в работе архивных учреждений. Целинный край // Вопросы архивоведения. 1963. № 1. С. 69.
- Гольдбухт-Серебрякова Г.Е.* Воспоминания полукровки. Ярославль: Изд-во бюро «ВНД», 2020. 304 с.
- Гордин Я.* Кто является свидетелем эпохи // Литературная газета. 1976, 1 дек. № 48.
- Дмитриев С.С.* Личные архивные фонды. Виды и значение их исторических источников // Вопросы архивоведения. 1965. № 3. С. 35–48.
- Еремченко В.А., Иноземцева И.П., Курносов А.А.* К вопросу о комплектовании государственных архивов РСФСР документами личного происхождения // Археографический ежегодник за 1984 г. М.: Наука, 1986. С. 3–12.
- Житомирская С.* Что мы оставим в наследство? // Литературная газета. 1976, 13 сент. № 37.
- Житомирская С.В.* Просто жизнь. М.: РОССПЭН, 2008. 599 с.

- Житомирская С.В., Кудрявцев И.М., Шлихтер Б.А.* О правильном использовании материалов советских архивов // Вопросы истории. 1954. № 9. С. 120–121.
- Журавлева З.А.* Собираение документов личного происхождения — задача каждого архива // Вопросы архивоведения. 1963. № 2. С. 48–49.
- Зильберштейн И.* Решать реалистически! // Литературная газета. 1977, 1 июня. № 22.
- Златоустова В.И.* Государственная политика в области музейного дела (1945–1985 гг.) // Музей и власть. М.: Б.и., 1991. Ч. 1. Государственная политика в области музейного дела (XVIII–XX вв.). С. 251–254.
- Интервью с Галиной Ефимовной Гольдбухт от 3.05.2018. Личный архив А. Клоц.
- Информационно-методическое письмо «Об итогах паспортизации государственных и муниципальных архивов, государственных музеев и библиотек, научных организаций по состоянию на 01.01.2019 и качестве составления паспортов». 2020. <<http://archives.ru/documents/inf-metod-letter-passportization-2019.shtml>>.
- Кац А.А.* Фонды личного происхождения Центрального государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства (ЦГАОРСС) г. Москвы (комплектование, состав, научное использование): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992. 28 с.
- Князев Г.А.* Как организовать личный подсобный архив // Вопросы архивоведения. 1962. № 3. С. 87–90.
- Колосова Э.В., Цаплин В.В.* Государственные архивы и документальные фонды личного происхождения // Вопросы архивоведения. 1965. № 4. С. 14–23.
- Королев В.А.* Ветераны — в строю // На Западном Урале. Пермь: Б.и., 1969. С. 257–258.
- Латынина А.* История и каждый из нас // Литературная газета. 1977, 22 июня. № 25.
- Лихачева Р.С.* Встреча участников октябрьских боев в Музее революции СССР // Вопросы истории. 1957. № 6. С. 196–198.
- Мамонов В.М.* О собирании документов личного происхождения государственными архивами РСФСР // Археографический сборник за 1979 г. М.: Наука, 1981. С. 3–12.
- Методические рекомендации по обработке личных архивов (в помощь краеведам). Пермь: Б.и., 1975. 35 с.
- Новикова А.А.* О комплектовании государственных архивов фондами личного происхождения // Вопросы архивоведения. 1959. № 2. С. 52–55.
- Петровская И.Ф.* Хранилища человеческого знания и опыта. М.: ГАУ СССР, 1959. 30 с.
- Письма и отклики на статью профессора С.С. Дмитриева «Личные архивные фонды. Виды и значение их исторических источников». В.С. Горякина, Н.Л. Клейн, Р.О. Головатая, И.А. Станкевич // Советские архивы. 1966. № 4. С. 100–104.

- Пунин И. Секция ветеранов Октябрьской революции и гражданской войны при музее // *Материалы по истории Европейского Севера СССР*. Вологда: Вологодский пед. ин-т, 1973. С. 435–436.
- Самов Е. Людей неинтересных в мире нет // *Литературная газета*. 1976, 13 окт. № 41.
- Соколов Г.С. В дом старого Тоомаса пришел хозяин. Рассказ старого коммуниста. М.: Детская литература, 1968. 112 с.
- Цаплин В., Шнейдер А. Благодарные, но разборчивые наследники // *Литературная газета*. 1977, 6 апр. № 14.
- Чепель П.Н. Общественный совет содействия архиву // *Советские архивы*. 1966. № 6. С. 84.
- Читатель предлагает тему... // *Литературная газета*. 1976, 13 сент. № 37.
- Читатель сообщает, спрашивает, спорит // *Знание — сила*. 1973. № 6. С. 48.
- Чудакова М. Когда настоящее становится историей? // *Знание — сила*. 1972. № 11 (545). С. 27–28.
- Чудакова М. Есть ли у вас архив? // *Неделя*. 1974, 16–22 сент. № 38 (758).
- Чудакова М. Беседы об архивах. М.: Молодая гвардия, 1975. 224 с.
- Чудакова М. Архивы в современной культуре: записки бывшего архивиста // *Красная книга культуры*. М.: Искусство, 1989. С. 381–395.
- Чудакова М. В защиту двойных стандартов // *Новое литературное обозрение*. 2005. № 74. <<https://magazines.gorky.media/nlo/2005/4/v-zashhitu-dvojnih-standartov.html>>.
- Шмидт С. Вечный долг наследников // *Литературная газета*. 1977, 1 июня. № 22.

Библиография

- Беневаденская Е.Н. Историческое краеведение в социокультурном пространстве Алтая во второй половине 1940-х — первой половине 1980-х: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2018. 23 с.
- Бурова Е.М. Личные архивы в контексте репрезентативности Архивного фонда Российской Федерации // *Документ. Архив. Информационное общество: Сб. материалов III Междунар. науч.-практ. конф.* М.: Термика, 2018. С. 406–425.
- Грациози А. Новые архивные документы советской эпохи: источниковедческая критика. 2008. <polit.ru/article/2008/19/graciosi/>.
- Донован В. «Идя назад, шагаем вперед»: краеведческие музеи и создание местной памяти в Северо-Западном регионе. 1956–1981 // *Антропологический форум*. 2012. № 16. С. 379–402.
- Журавлев С.В. Феномен «истории фабрик и заводов»: Горьковское начинание в контексте эпохи 1930-х годов. М.: ИРИ РАН, 1997. 215 с.
- Келли К. «Исправлять» ли историю? Споры об охране памятников в Ленинграде 1960–1970-х годов // *Неприкосновенный запас*. 2009. № 2 (64). <<https://magazines.gorky.media/nz/2009/2/ispravlyat-li-istoriyu.html>>.
- Козлова Н.Н. Советские люди. Сцены из истории. М.: Европа, 2005. 544 с.
- Колбас В.С. Общественные музеи: история и современное состояние // *Открытый исторический форум «Пермь: история города как пространство диалога»*. Пермь: Б.и., 2015. С. 85–88.

- Кормина Ж.В. «Император осматривал город»: сюрреалистический социализм и политика памяти // Новое литературное обозрение. 2018. № 152. С. 34–57.
- Мельникова Е.А. Руками народа: следопытское движение 1960–1980-х гг. в СССР // Антропологический форум. 2018. № 37. С. 20–53. doi: 10.31250/1815-8870-2018-14-37-20-53.
- Мельникова Е.А. «Здесь русский дух...»: к истории Русского Севера на символической карте воображаемой России // Кунсткамера. 2019. № 1 (3). С. 6–22.
- Мяжкова Е.М. Фонды личного происхождения: этапы истории, опыт работы, краткая историография вопроса // Вестник ВНИИДАД. 2020. № 4. С. 16–26.
- Паперно И. Советская эпоха в мемуарах, дневниках, снах. Опыт чтения. М.: НЛО, 2021. 320 с.
- Хелльбек Й. Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи. М.: НЛО, 2017. 424 с.
- Шмидт С. Л.С. Кашихин — архивист, краевед // Отечественные архивы. 1998. № 4. С. 125–126.
- Clark K. “The History of the Factories” as a Factory of History // Clark K. Autobiographical Practices in Russia — Autobiographische Praktiken in Russland. Göttingen: V & R Unipress, 2004. P. 251–278.
- Clements B. Bolshevik Women. N.Y.: Cambridge University Press, 1997. 338 p.
- Davis V. Myth Making in the Soviet Union and Modern Russia: Remembering World War II in Brezhnev’s Hero City. L.; N.Y.: I.B. Tauris, 2018. 351 p.
- Donovan V. How Well Do You Know Your Krai? The Kraevedenie Revival and Patriotic Politics in Late Khrushchev-Era Russia // Slavic Review. 2015. Vol. 74. No. 3. P. 464–483. doi: 10.5612/slavicreview.74.3.464.
- Fitzpatrick S. Impact of the Opening of Soviet Archives on Western Scholarship on Soviet Social History // The Russian Review. 2015. Vol. 74. No. 3. P. 377–400. doi: 10.1111/russ.12021.
- Jones P. “Life as Big as the Ocean”: Bolshevik Biography and the Problem of Personality from Late Stalinism to Late Socialism // Slavonic and East European Review. 2018. Vol. 96. No. 1. P. 144–173.
- Jones P. Revolution Rekindled: The Writers and Readers of Late Soviet Biography. Oxford: Oxford University Press, 2019. 320 p.
- Kirshchenbaum L. The Legacy of the Siege of Leningrad, 1941–1945: Myth, Memories, and Monuments. N.Y.: Cambridge University Press, 2006. 309 p.
- Klots A., Romashova M. Lenin’s Cohort: The First Mass Generation of Soviet Pensioners and Public Activism in the Khrushchev Era // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2018. Vol. 19. No. 3. P. 573–597. doi: 10.1353/kri.2018.0030.
- Kozlov D. The Historical Turn in Late Soviet Culture: Retrospectivism, Factography, Doubt, 1953–91 // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2001. No. 2 (3). P. 577–600. doi: 10.1353/kri.2008.0097.
- Liljeström M. Monitored Selves: Soviet Women’s Autobiographical Texts in the Khrushchev Era // Ilic M., Reid S.E. (eds.). Women in the Khrushchev Era. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004. P. 131–148.
- Papazian E. Manufacturing Truth: The Documentary Moment in Early Soviet Culture. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2008. 282 p.

“Are You Living History?” — The Soviet Person and the Quiet Archival Revolution of Late Socialism

Alissa Klots

University of Pittsburgh, Kenneth P. Dietrich School of Arts and Sciences,
Department of History
3702 Wesley W. Posvar Hall, Pittsburgh, PA, USA
alissaklots@pitt.edu

Maria Romashova

Center for Comparative History and Political Studies, Perm State University
15 Bukireva Str., Perm, Russia
romasha09@gmail.com

The article focuses on the changes that occurred in archiving practices after Stalin. Based on the analysis of publications in professional journals for archivists and in popular press — as well as the personal archival collection of Perm activist and local historian Valentina Sokolova — we argue that, as a result of the democratic and humanistic turn in Soviet society after Stalin’s death, late socialism saw a shift in the understanding of who is worthy of having their documents preserved in an archive. Whereas previously only “remarkable” individuals had the right for a private archival collection, now some members of the archivist community began a campaign to collect documents of “ordinary” citizens. The archivists found allies not only among specialists but also among elderly members of the Soviet intelligentsia — participants in the building of socialism, who had no prior connection to historical studies. This shift that we call the “quiet archival revolution” became an integral part of the late Soviet commemorative turn. With the help of the archivists — enthusiasts of the “quiet archival revolution,” elderly activist came to realize their own historical significance and the value of their documents, some of which later made it to the state archival depositories.

Keywords: archives, personal documents, personal archives, museums, historical memory.

Acknowledgements

Maria Romashova would like to thank the European University at Saint Petersburg and the Center for Comparative History and Political Studies at Perm State University for their support.

References

Benevalenskaya E. N., *Istoricheskoe kraevedenie v sotsiokulturnom prostranstve Altaya vo vtoroy polovine 1940-kh — pervoy polovine 1980-kh* [Local

- History in Altai's Socio-cultural Space in the Late 1940s — Early 1980s], Ph.D abstract. Barnaul, 2018, 23 pp. (In Russian).
- Burova E. M., 'Lichnye arkhivy v kontekste reprezentativnosti Arkhivnogo fonda Rossiyskoy federatsii' [Personal Archives in the Question of Representativeness in the Archival Collection of the Russia Federation], *Dokument. Arkhiv. Informatsionnoe obshchestvo* [Document. Archive. Information Society]: 3rd International scholarly conference proceedings. Moscow: Termika, 2018, pp. 406–425. (In Russian).
- Clark K., "The History of the Factories" as a Factory of History', Clark K., *Autobiographical Practices in Russia — Autobiographische Praktiken in Russland*. Göttingen: V & R Unipress, 2004, pp. 251–278.
- Clements B., *Bolshevik Women*. New York: Cambridge University Press, 1997, 338 pp.
- Davis V., *Myth Making in the Soviet Union and Modern Russia: Remembering World War II in Brezhnev's Hero City*. London; New York: I. B. Tauris, 2018, 351 pp.
- Donovan V., 'How Well Do You Know Your Krai? The Kraevedenie Revival and Patriotic Politics in Late Khrushchev-Era Russia', *Slavic Review*, 2015, vol. 74, no. 3, pp. 464–483. doi: 10.5612/slavicreview.74.3.464.
- Donovan V., "Idya nazad, shagaem vpered": kraevedcheskie muzei i sozdanie mestnoy pamyati v Severo-Zapadnom regione. 1956–1981' ["Going Backwards, We Stride Forwards": Kraevedenie Museums and the Making of Local Memory in North West Russia, 1956–1981], *Antropologicheskij forum*, 2012, no. 16, pp. 379–402. (In Russian).
- Fitzpatrick S., 'Impact of the Opening of Soviet Archives on Western Scholarship on Soviet Social History', *The Russian Review*, 2015, vol. 74, no. 3, pp. 377–400. doi: 10.1111/russ.12021.
- Graziosi A., 'Novye arkhivnye dokumenty sovetskoy epokhi: istochniko-vedcheskaya kritika' [New Archival Documents of the Soviet Epoch: Critique of Sources], 2008. <polit.ru/article/2008/19/graziosi/>. (In Russian).
- Jones P. "Life as Big as the Ocean": Bolshevik Biography and the Problem of Personality from Late Stalinism to Late Socialism', Jones P., *Writing Russian Lives. The Poetics and Politics of Russian Biography. A special issue of The Slavonic and East European Review*, 2018, vol. 96, no. 1, pp. 144–173.
- Jones P., *Revolution Rekindled: The Writers and Readers of Late Soviet Biography*. Oxford: Oxford University Press, 2019, 320 pp.
- Kirshenbaum L., *The Legacy of the Siege of Leningrad, 1941–1945: Myth, Memories, and Monuments*. New York: Cambridge University Press, 2006, 309 pp.
- Hellbeck J., *Revolution on My Mind: Writing a Diary under Stalin*. Cambridge, MA; London: Harvard University Press 2006, 448 pp.
- Kelly C., "Ispravlyat" li istoriyu? Spory ob okhrane pamyatnikov v Leningrade 1960-1970- kh godov' [Should We "Correct" History? Debates about Monument Preservation in Leningrad in the 1960s–1970s], *Neprikosnovenny zapas*, 2009, no. 2 (64). <<https://magazines.gorky.media/nz/2009/2/ispravlyat-li-istoriyu.html>>. (In Russian).

- Klots A., Romashova M., 'Lenin's Cohort: The First Mass Generation of Soviet Pensioners and Public Activism in the Khrushchev Era', *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 2018, vol. 19, no. 3, pp. 573–597. doi: 10.1353/kri.2018.0030.
- Kolbas V. S., 'Obshchestvennye muzei: istoriya i sovremennoe sostoyanie' [Public Museums: History and Current State], *Otkrytyy istoricheskiy forum "Perm: istoriya goroda kak prostranstvo dialoga"* [Open History Forum "Perm: City History as a Space of Dialogue"]. Perm: S. n., 2015, pp. 85–88. (In Russian).
- Kozlov D., 'The Historical Turn in Late Soviet Culture: Retrospectivism, Factography, Doubt, 1953–91', *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 2001, vol. 2, no. 3, pp. 577–600. doi: 10.1353/kri.2008.0097.
- Kozlova N. N., *Sovetskie lyudi. Stseny iz istorii* [Soviet People. Scenes from History]. Moscow: Evropa, 2005, 544 pp. (In Russian).
- Liljeström M., 'Monitored Selves: Soviet Women's Autobiographical Texts in the Khrushchev Era', Ilic M., Reid S. E. (eds.), *Women in the Khrushchev Era*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004, pp. 131–148.
- Melnikova E., 'Rukami naroda: sledopytskoe dvizhenie 1960–1980-kh gg. v SSSR' [By the People's Hands: The *Sledopyt* Movement in the USSR of the 1960–1980s], *Antropologicheskij forum*, 2018, no. 37, pp. 20–53. doi: 10.31250/1815-8870-2018-14-37-20-53. (In Russian).
- Miagkova E. M., 'Fondy lichnogo proiskhozhdeniya: etapy istorii, opyt raboty, kratkaya istoriografiya voprosa' [Personal Collections: Stages of Development, Work Experience, Brief History], *Vestnik VNIIDAD*, 2020, vol. 4, pp. 16–26. (In Russian).
- Papazian E., *Manufacturing Truth: The Documentary Moment in Early Soviet Culture*. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2008, 282 pp.
- Paperno I., *Sovetskaya epokha v memuarakh, dnevnikh, snakh. Opyt chteniya* [Stories of the Soviet Experience: Memoirs, Diaries, Dreams]. Moscow: NLO, 2021, 320 pp. (In Russian).
- Shmidt S. L., 'S. Kashikhin — arkhivist, kraeved' [S. Kashikhin — an Archivist and a Local Historian], *Otechestvennye Arkhivy*, 1998, vol. 4, pp. 125–126. (In Russian).
- Zhuravlev S. V., *Fenomen "istorii fabrik i zavodov": Gorkovskoe nachinanie v kontekste epokhi 1930-kh godov* ["History of Factories and Plants" Phenomenon: Gorky's Initiative in the Contest of the 1930s]. Moscow: IRH RAS, 1997, 215 pp. (In Russian).